

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И СТРЕМЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ВЫЙТИ ЗА ПРЕДЕЛЫ СВОЕЙ ПРИРОДЫ

В. А. Луков

Московский гуманитарный университет, Россия

Ecology of Culture and Human Desire to Go Beyond His Nature

V. A. Lukov

Moscow University for the Humanities, Russia

В статье с учетом экогуманитарной парадигмы в мышлении и образовании С. Н. Глазачева показано влияние культурного фактора на конструирование человека в обществе будущего. Стремление человека выйти за пределы своей природы имеет разные последствия в зависимости от усвоенных и переданных новым поколениям тезаурусов — ориентационных ментальных комплексов, определяющих направленность социальной и культурной субъектности человека и человеческих общностей. Представлены данные исследования относительно ожиданий и опасений «улучшения» человека среди российской молодежи, получившей или получающей высшее образование, где понимание такого «улучшения» зависит от культурных кодов, усвоенных ею в период первичной социализации.

Ключевые слова: экология культуры, конструирование человека, будущее человека, молодежь, тезаурусный подход.

Taking into consideration the ecological-humanitarian paradigm of S. N. Glazachev in the thinking and education, the influence of the cultural factor on the construction of a person in the society of the future is shown in the paper. Man's aspiration to go beyond his nature has different consequences depending on the thesauruses learned and passed on to new generations — orientational mental complexes that determine the direction of social and cultural subjectivity of a person and human communities. Research data on the expectations and fears of «improving» a person among Russian youth who have received or are receiving higher education are presented in connection with cultural codes mastered by young people during the period of primary socialization which influence onto understanding of such «improvement».

Keywords: ecology of culture, human construction, human future, youth, thesaurus approach.

Введение

Более двух десятилетий назад профессор С. Н. Глазачев сформулировал положение о том, что экологическая культура представляет собой социокультурный феномен, обладающий высоким специфическим потенциалом для развития когнитивных, аксиологических и деятельностных компонентов в структуре личности, для формирования целостной экологической картины мира, мировоззрения личности, обеспечивающий интегрированность личности в универсум [1]. Спустя много лет это положение стало еще более актуальным, особенно в части, связанной с картиной мира, которая (или которые) раскрывают свой смысл в быстром продвижении России к цифровой экономике, а значит, и к цифровому обществу, цифровой культуре со всеми их противоречиями и неравномерностью развития.

Уже как академик-секретарь Отделения экологии Русской секции Международной академии наук (Здоровье и Экология), С. Н. Глазачев отмечал в одной из своих статей, что «экогуманитарная парадигма в мышлении и образовании позволяет видеть перспективы в развитии общества, меняя алгоритм современного мышления с «здесь и сейчас» на «всегда и везде» [2, с. 12].

В этом ключе целесообразно высказать мнение о проявившемся в конце XX века и ставшим почти повсед-

невностью века XXI-го стремлении человека выйти за пределы своей природы. Оно еще не стало требованием молодежи («требование невозможного» — лозунг «нового левого» движения 1960-х годов), оно лишь косвенно отражается в повестке дня экологического воспитания, для которого основным все же и сегодня остается формирование бережного отношения к природе и разумного использования ее ресурсов, что отразилось очень определенно в учебных пособиях, выпущенных в разных городах России и имеющих в виду соответствующую работу с дошкольниками и младшими школьниками [3—5]. Даже появились экологические сказки и экологический букварь — и все с тем же содержанием [6—8]. Очень хорошо, что это направление развивается, еще недавно оно было в тени других мировых проблем. В послевоенные годы в центре опасений для природы и человека стояло ядерное оружие, и расчеты Н. Н. Моисеева, показывавшие с математической точностью, что даже начало атомной войны неизбежно приведет к «ядерной зиме», для многих политиков стали отрезвляющими. В США большой резонанс в середине 1960-х годов получили аргументы К. Паттерсона на основе изучения глубин океана, а потом льдов Арктики, что свинец, вовсе не в природных масштабах, а в результате бурного развития гигантов автомобильной промышленности, уже привел рабочих к массовым от-

рвлениям и психическим заболеваниям, а впереди эти явления будут в состоянии уничтожить все человечество (поскольку очень опасны для нынешних детей). Эти аргументы были представлены на слушаниях в Сенате США, когда многие научные авторитеты (более всех — Роберт Кехо) не видели проблем в увеличении доли свинца при производстве топлива для автомобилей. Только к 1990-м годам в США были приняты соответствующие запретительные меры [9]. Подобных конфликтов по другим вопросам экологии было немало, и они имели значительное влияние на понимание экологических вопросов и экологического воспитания в мире.

Разный взгляд на экологию

В то время как на экологии были «помешаны» немцы и некоторые другие европейские народы (мы пользуемся одним эмоциональным наблюдением выдающегося физика и химика В. И. Гольданского), в СССР эта проблематика рассматривалась в совсем ином ключе, если иметь в виду макромасштабы. Поворот сибирских рек — один из наиболее показательных проектов того времени, остановленный не видными деятелями культуры, не авторитетными учеными, хотя было много отрицательных заключений АН СССР, а решением Политбюро ЦК КПСС в 1986 г. В мегапроекте потом не раз возвращались — и тоже политики, хотя, казалось бы, его научная критика была неопровержима. Частью это было следствие слабого восприятия в обществе катастрофичности экологических проблем для человечества, а значит, и для каждого отдельного человека. Когда сегодня даже бывший директор Службы внешней разведки (СВР) России подчеркивает, что «главная угроза человечеству связана с экологией» [10], такой взгляд был вовсе не общий еще несколько десятилетий назад. Показательны данные по мониторингу студентов, проведенному в 2004 г. Если среди первокурсников опасались потери близкого человека 68,4, одиночества — 61,8, предательства друзей — 41,2% опрошенных, то экологической катастрофы — только 14,7% еще недавно окончивших общеобразовательную школу молодых людей [11, с. 94], т. е. семейного несчастья частного характера вчерашние дети боялись почти в 5 раз меньше, чем глобальной экологической катастрофы. Последствия для экологии больших территорий, когда разворачивалось строительство гигантов индустрии, не обсуждались по существу, а тем более не предполагалось целенаправленной работы в сфере экологического воспитания с раннего детства. Сохранение природного наследия, наконец, стало требованием к проектированию новых объектов. 2017 г. был в России объявлен Годом экологии. Три крупных проекта этого года (ликвидация загрязнений природы в Арктике, защита Байкала, сохранение редких видов животных на Дальнем Востоке) продвинули ситуацию вперед. Они вполне соответствовали главным задачам года и еще раз показали, сколько в плане укрепления экологической безопасности предстоит сделать. Но сегодня неполнота даже такого «продвинутого» взгляда на экологию очевидна.

До некоторой степени эту неполноту проясняет то направление экологии, которое почти полвека назад получило название «антропологическая экология». Это название появилось в 1960-х годах в США, в Колумбийском университете, где новое направление возглавил Дж. Стюард. Он в духе неозолоционизма, который был им и этнологом Лесли Уайтом был выдвинут в 1950-е годы (Дж. Стюарду, среди прочего, принадлежат теория и методология многолинейной эволюции — [12]), сосредоточился на изучении различных режимов питания и методах передачи энергии, а затем проанализировал, как они определяют другие аспекты культуры. К. Коттак по этому поводу отмечал: «Культура стала единицей анализа. Впервые экологические антропологи исследовали идею, что люди, как экологические популяции должны стать единицами анализа, и культура — средство, с помощью которого население изменяется и приспосабливается к окружающей среде» [13, с. 23]. Таким образом, антропологическая экология в этом, тогда новом аспекте выявила ту сторону экологии, которая до того времени связывалась исключительно с поддержанием в первозданной чистоте природы или по крайней мере с всяческим препятствованием ее загрязнения и в итоге утраты. Если «старая» экологическая антропология, как ее называет Коттак, была привязана к структурному функционализму, теории систем, то в «новой» версии культура заняла место основного приспособительного средства в отношениях человека и окружающей среды, учла фактор политики и фактор ценностных ориентаций. А значит, строила иное исследование в другими целями, методами, предназначением [13]. Это обстоятельство важно отметить, особенно принимая во внимание, что в тезаурусах образованных русскоязычных граждан, становление культурных картин мира которых приходилось на советский период, экология культуры связывалась с инициативной деятельностью Д. С. Лихачева (совершенно не известной теоретикам и идеологам антропологической экологии), с тем, что в его работе по сохранению культурных богатств русского народа он реализовал себя как исследователь древнерусской литературы и пользовался словами «экология культуры» скорее в метафорическом смысле, чтобы более ясными сделать свои идеи и не дать чиновничьему производству одолеть его благородных помыслов [14].

Экология культуры, таким образом, в российском варианте оказалась обращенной в основном в прошлое, в сферу устойчивого, раскрытие огромного воспитательного значения культурных констант, сохранение народного культурного достояния. Но опять-таки этим сужается зона экологии культуры, и она противоречиво связывает ценностные ориентации прошлого и того, что в экологическом смысле человеку и человечеству еще предстоит. Эта сторона оказалась противоречивой, и критика особо смелых, вызывающих теорий преобразования человека в XXI веке, например, трансгуманизма, ведется не столько на основе экспериментов в области био-медицинских технологий, сколько на привлечении теологических тезисов, и главный аргумент критики — невозможно технологическими средствами добиться улучшения человека, поскольку

ку они не заменяют божественной его сущности [15]. Собственно, так и следует понимать аргументацию прошедшей в Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. общероссийской конференции «Философско-религиозные проблемы биотехнологического улучшения человека», в которой участвовали специалисты из Института философии РАН, доктора медицинских наук, представители прикладной ветви философии из медицинских вузов, настоятели церкви. Хотя эта аргументация нередко выходит за пределы науки, она все же интересна тем, что проблематика выхода человека за пределы своей природы обсуждается в духе гуманитарной экспертизы, с участием разных точек зрения как проблематика реальная, а не взятая из научной фантастики или мирового фольклора. Этим, среди прочего, расширяется поле применения экологии, которая в человеческом плане относится и к человеческому будущему, каким бы невероятным его ни представляли.

Конструирование человека

Человек — биосоциальное существо, но благодаря особенностям его мозга он еще и мысленный конструкт, сборку которого и будущие свойства можно предвидеть и менять в том или ином направлении. Поначалу это лишь мысль об изменениях, греза о счастье, миф, сказка, которая возникает в рамках ориентационных знаниевых комплексов и подталкивает вперед творческие импульсы. В наше время это тоже тезаурусные образования, но и в значительной мере и социокультурные практики, придающие замыслам субъекта (человека, группы, организации, человеческой общности разного масштаба, но главное — обладающей социокультурной субъектностью, т. е. способностью создавать новое, творить по заранее построенным планам) реальные очертания. Это противоречие, заметное и раньше (приготовление ведьмино зелья, колдовство друидов, любовный напиток и т. д.), ныне стало почти повседневностью некоторых сообществ, задачей, которую надо решать, хотя бы и путем нарастания изменений в человеке и обществе, которыми и призвана заниматься биосоциология.

Дорога от фольклора к повседневным практикам длительна, но для человека возможна, особенно увлеченного, закрывающего глаза на негативные последствия своего выбора, верящего, что добро всегда побеждает зло. Стремление сделать человека бессмертным, омолодить стариков, придавая им быстроту реакции, бодрость, силу, отразилось в мировом и русском фольклоре, откуда идут «молодильные яблочки», котлы с горячей и холодной водой (водой «вареной» и «студеной»), а напоследок с кипящим молоком, пройдя через испытания которыми, конечно, волшебными (старый царь сварился, вздумав повторить такие же процедуры омоложения), Иван-дурак не только хорошеет, но и становится Иван-царевичем во всем блеске красоты и молодечества. В кипящем молоке современный русский культурный тезаурус (ориентационный комплекс) видит справедливое вознаграждение за доброту Ивана-дурака в свете сказки Ершова о Коньке-Горбунке и совсем не чувствует мотивов ухода в

другой мир, где преобразование умершего было неизбежно и желаемо, ритуально поддерживалось омовением перед самоубийством царя-жреца (как это встречалось в реальных Южной Индии), не обнаруживает связи и с грузинскими сказками, где конь остужает молоко снегом из своего уха. Очистительное купание символизирует, как показывает в своем анализе этого мотива в волшебной сказке В. Я. Пропп, апофеоз героя [16, с. 416].

Но сказочный характер изменения природы человека, чтобы продлить его жизнь, причем жизнь счастливую, в XX веке перешел в биомедицинские технологии, продолжая в текстах ученых разных направлений все же оставаться подобным волшебным сказкам. Уже в 1920—1950-х годах тематика новых природных свойств человека встречается в русском космизме (в частности, у К. Э. Циолковского), у биолога Дж. Б. С. Холдейна (известного и как генетика, физиолога, биохимика), физика и социолога науки Дж. Д. Бернала, католического философа и теолога, палеонтолога и антрополога П. Тейяра де Шардена и др. Сложившийся позже на базе трудов FM-2030 (псевдоним Ферейдуна М. Эсфендиари), Р. Эттинджера, М. Мински, Э. Дрекслера трансгуманизм с его главными положениями, каковыми стали иммортализм (теория и практика бессмертия), искусственный интеллект, нанотехнологии, тоже во многих случаях похож на волшебную сказку. Роберт Эттинджер в своей книге «Перспективы бессмертия» соединял установленный факт с показательным предположением, которое, по его мнению, может стать вскоре «основой жизни каждого человека и общества в целом» [17, с. 3]. Факт его таков: «...при очень низких температурах можно, уже сейчас, сохранять умерших людей без малейшего ухудшения их состояния в течение сколь угодно долгого времени...» [17]. А предположение — в духе волшебных сказок — состоит в том, что «если человеческая цивилизация продолжит свое существование, прогресс медицины, в конечном счете, позволит исправлять почти любые повреждения человеческого организма, включая повреждения, нанесенные при заморозке и старческие повреждения, а также любые другие причины смерти».

Многие еще недавно казавшиеся фантастическими идеи о преодолении человеком своего тела, своей психики, своей природы, повседневное сосуществование человека с другими мыслящими существами, порой совсем не напоминающих людей, стали сюжетами кинофильмов (например, «Звездные войны», «Газонокосильщик», «Пятый элемент»). Уже трудно отличить реальное от виртуального и понять, где кончается природа человеческого, а где она окончательно преодолена, погружаясь в представление киноиндустрией, «научными» сенсациями интернета и средств массовой информации, всеми средствами массовой культуры недалекого или отдаленного будущего.

Данные исследований российской молодежи

С этим фоном, то исполненным позитива, то предупреждающим о грядущих опасностях, но как бы уже со-

стоявшимся, не согласуются данные опросов российской молодежи, проведенные с 2016 по 2019 г. в вузах и научных медицинских центрах городов: в Анадырь (Чукотка, ЧФСВУ), Белгород (БелГНИУ, ШМУ), Братск (БрИГУ), Екатеринбург (УГАТУ, УИТиО, УрГЮУ), Иркутск (ИркГУ, ИркГМУ), Кызыл (ТувГУ), Москва (МГМУ, МГТЭУ, МосГУ, НИБ, РЭУ), Новосибирск (НГМУ, НГПУ, СиБИ-НУ), Орел (Орловский филиал РАНХиГС), Элиста (КалГУ), Якутск (СВФУ). Были опрошены также участники Международной научной школы для молодежи «Концепции постчеловека в философии и технонауке», проходившей в 2016 г. на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета (молодые участники школы приехали из Белгорода, Волгограда, Воронежа, Курска, Липецка, Москвы, Перми, Саратова, Санкт-Петербурга). Как видим, среди мест проведения опроса и европейские, и азиатские города России, и центры регионов, и города регионального подчинения, и территории с типично русской культурой, и города, культура которых строится на других культурных основах.

В итоге выяснилось, что студенты-медики и биологи, молодые ученые в этих областях науки и практики, с одной стороны, и студенты, своей будущей профессией совершенно не предполагающие включение в мир био- и медицинских технологий и изменение природы человека, с другой, имеют различные источники для оценки технологий «улучшения» человека в молодежной среде, — первые читают профессиональную литературу, приобретают практику излечения телесных недугов человека, слушают умные речи на научных конференциях, сами выступают на них; вторые по большей части узнают о достижениях биологии и медицины в деле преобразования природы человека по большей части из сообщений СМИ, художественной литературы, кинофильмов и т. д. Но и те и другие демонстрируют схожие результаты в определении своих ожиданий и опасений «улучшения» человека, причем на эту схожесть не влияет то, что Чукотка, Иркутск, Белгород — это и разный климат, и разная местная культура: в целом территориальный фактор себя не проявил в ответах молодежи. Но более важно то, что не обнаружилось серьезных различий в ожиданиях и опасениях развития технологий «улучшения» человека между будущими биологами и медиками — и теми студентами, которые получают гуманитарное образование. И те и другие примерно одинаково видят пути изменения человека в его телесном аспекте.

С учетом этого посмотрим, как в целом молодежь оценивает перспективность некоторых воздействий на человека, в будущем приводящим (как считают представители трансгуманистического движения) к «транschеловеку», а потом и к «постчеловеку». Тем более, что опрошенная молодежь скорее всего доживет до времен, когда изменения в природе человека станут массовыми.

Мы такие «улучшения» взяли из трудов одного из основоположников современного постгуманизма ФМ-2030, они уже давно приобрели характер и идеологических постулатов, которые это научное течение превратили в общественное движение. В одних странах оно еще не по-

лучило особого развития, а в других имеет сторонников. Например, в США в 2016 г. среди партий, выдвинувших свою кандидатуру президента страны, была и созданная в этой связи Трансгуманистическая партия. Ее лидер Золтан Истван воспользовался избирательной кампанией для пропаганды идей постгуманизма. Соответствующие партии есть в Великобритании, Германии. Постгуманистическая партия возникла и в России. Разумеется, это не крупные организации (в мае 2018 г. в Трансгуманистической партии США насчитывалось 880 членов — [18]), но их активность велика, особенно в сетях.

Итак, данные исследования.

Вопрос: считаете ли вы перспективными для улучшения человека такие направления воздействия на его природу, как...

Ответы (распределение ответов представлено исходя из всей совокупности опрошенных, без разделения на «биологов» и «гуманитариев»; данные показаны в процентах):

	Да	Нет	Не знаю
улучшение тела имплантатами (киборгизация)	44,0	42,0	14,0
преодоление половых различий (бесполость)	10,8	75,4	13,7
искусственное размножение	32,1	47,5	20,2
распределение сознания и личности человека в нескольких телах — биологическом и технологическом (распределенная индивидуальность)	23,9	47,9	27,8
достижение неограниченного долголетия	45,1	37,5	17,0

Заметим, что наибольшая доля положительных ответов относится к первому и последнему показателям. Но и отрицательные ответы от положительных почти не отстают. В вопросе о распределенной индивидуальности больше всего неясности: ответ «не знаю» дают больше четверти опрошенных. Скорее всего, о таком будущем для человека мало речи идет в российских источниках, популярно представляющих трансгуманизм, или это положение многим непонятно. Самое же большое расхождение в вопросе о преодолении половых различий («да» — 20,8%, «нет» — 75,4%).

Сравним положительные («да») и отрицательные ответы («нет»). Перевес положительных над отрицательными наблюдается в первой и пятой позициях. В трех остальных перевешивают отрицательные оценки. Что это за позиции по содержанию?

Киборгизация не кажется многим молодым людям сегодня чем-то далеким и недостижимым, как и неограниченное долголетие. Искусственное размножение для большинства неприемлемо, как и распределенная индивидуальность (возможно, как уже сказано, не вполне ясно респондентам, что имеется в виду). Но бесполость настолько не в тезаурусах российской молодежи, что такого будущего для человека не хотят или не представляют себе девять из десяти опрошенных (а мы помним, что среди них есть и молодые биологи, врачи, те, кто собирается по-

лучить профессию в этих сферах). В чем же разница? Киборгизация связывается с уже давно усвоенными практиками улучшения тела имплантами. Неограниченное долголетие — мечта многих, отразившаяся в искусстве, фольклоре. А бесполость никак не согласуется с тем, что усвоено еще в период первичной социализации, в раннем детстве [19]. Иначе говоря, культурные коды работают, даже если изменилась или готова измениться реальность.

Тезаурусный подход к интерпретации этих и других данных показывает, что экология не существует без ценностного отношения к ней. Оно затрагивает вчерашний и сегодняшний день жизни человека на Земле. Оно затрагивает и его будущее. Приведенное исследование заставляет задуматься: почему наиболее подготовленная к завтрашнему управлению страной часть молодежи проявляя неподдельный интерес к будущему человека, а значит, и своему, так осторожна в оценках трансгуманистических постулатов об «улучшении» человека? Сторонников бесполости этого более совершенного человека среди российской молодежи очень мало, подавляющее большинство говорит этому свойству свое «нет». Но ведь оно, это свойство, логично вытекает из других планируемых свойств «постчеловека», например, киборгизации, которая находит куда больше сторонников в той же среде, где велся опрос.

Ответ надо искать в применении тезаурусного подхода к экологии культуры, в том смысле, какой обнаруживается в антропологической экологии. Именно разделяемые большинством ценности, установившиеся культурные картины мира выступают мембранами, не пропускают «чуждое» в структуру тезауруса.

Но этот процесс не должен быть стихийным и строиться на старых представлениях о возможностях

Литература

1. Глазачев С.Н. Теоретические основы формирования экологической культуры учителя: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998. 68 с.
2. Глазачев С.Н. Наука в гуманитарном университете: становление традиции. Известия Вологодского государственного педагогического университета. 2008; 9: 4—13.
3. Новолодская Е.Г. Школьный экологический мониторинг: организация проектной деятельности учащихся: учебно-методич. пособие для студентов вузов. Алтайская гос. академия образования им. В. М. Шукшина. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. 248 с.
4. Симонова А. П. Экологическое образование в начальной школе: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 204 с.
5. Черезова Л.Б. Теория и методика экологического образования детей: учеб. пособие. Волгоград: «Перемена», 2010. 135 с.
6. Экологические сказки: для детей, родителей и педагогов /Сост. Л. П. Молодова. Минск: Асар, 1998. 160 с.
7. Экологические стихи и сказки клубов друзей WWF /Сост. Е. Кузнецова. М.: Всемирный фонд дикой природы, 2010. 104 с.
8. Грешневиков А. Н. Экологический букварь. М.: Экос-информ, 1995. 78 с.
9. Davidson C. I. (ed.) Clean Hands: Clair Patterson's Crusade against Environmental Lead Contamination. New York: Nova Science Publishers, 1998. xxxiv, 162 p.

человека выйти за пределы своей природы. И здесь снова стоит тема об экологическом образовании.

Заключение

Профессор С. Н. Глазачев в одной из своих статей пишет: «Предстоит перейти на новую модель развития части в целом, изменить, выстроить новый общественный договор, основанный на системе ценностей, в центре которой — осознание человечеством себя как коллективного субъекта биосферы, призванного выполнить высокую миссию сохранения жизни на планете Земля» [2, с.12]. Эта линия должна быть реализована в свете новых обстоятельств жизни человека и его стремления выйти за границы своей природы, которое уже сейчас не романтический замысел.

Это не простое действие, и С. Н. Глазачев показывает необходимый путь к нему: «В этой связи современной университетской науке выпадает особая роль: обеспечить фундаментальное научно-методологическое сопровождение духовно-нравственной коррекции современной культуры, сделать образование опережающим, онтологичным, реализующим в бытии человека его сущностные силы в пределах возможностей природы» [2, с. 13].

Данные исследований среди российской молодежи, студенческой и уже окончившей вуза, показывают, что это верный путь, который и надо укреплять, сообразуясь с тезаурусами молодежи. Это и путь к расширению экологической тематики, в которой экология культуры как экология человека, сочетающая его биосоциальное начало с культурным преобразованием в прошлом, настоящем и будущем, так же важна, как и экология окружающей среды, экология природы.

10. Трубищев В. Названа главная угроза человечеству (Электронный ресурс). URL: <https://news.mail.ru/society/37091964/>
11. Первкурсник Московского гуманитарного университета: 2004 год: Итоги междисциплинарного исследования: в 2 ч. /Под общ. ред. Вал. А. Лукова, А. И. Ковалевой. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. Ч.1. 100 с.
12. Steward J. Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution. University of Illinois Press, Urbana, 1955. 244 p.
13. Kottak C. P. The New Ecological Anthropology. American Anthropologist. 1999; 101 (1): 23—35.
14. Луков В. А. Экология культуры и тезаурусная трактовка будущего [Электронный ресурс]. Горизонты гуманитарного знания. 2017; 3: 3—11. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/470>
15. Стабцева О. Консервативная критика идеи биотехнологического улучшения человека. Философско-религиозные проблемы биотехнологического улучшения человека. Общероссийская конференция. Санкт-Петербург, 5 декабря 2018 г. СПб., 2019.
16. Прот В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 364 с.
17. Эттингджер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2002. 152 с.
18. Bromwich J. Death of a Biohacker. The New York Times. 2018.
19. Луков В. А. Российская молодежь о биотехнологических проектах «улучшения» человека. Социол. исследования. 2018; 4: 73—81.

Сведения об авторе:

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Международной академии наук (Здоровье и Экология), Русская секция.
E-mail: v-lukov@list.ru